

Beyond Gillette.

*“The third blade is invisible.
It belongs to me.”*

FERDINANDO FREGA
— NANDO THE SCRIBE —

THE GILLETTE QUADRILOGY • VOLUME IV

NAPLES-POST.COM

ПО ТУ СТОРОНУ GILLETTE

THE COMPANY · 12

Четвёртый том тетралогии Gillette: менеджер, нанятый руководить неаполитанским похоронным бюро, в итоге прописывает покойникам станки Gillette; затем его собственные похороны в спортивном костюме, загробный мир со стойками регистрации и процедурами онбординга, похороны пяти миллиардеров, за которыми он наблюдает как консультант, и последняя просьба — родиться заново в Америке, с подписью при доставке.

КОЛОФОН

Ferdinando Frega — Nando the Scribe — The Fifth Blade

Нарративный пионер Поведенческого кода. Он выстроил издательскую экосистему за один доллар вокруг одной-единственной идеи: у финансов нет проблемы с деньгами. У них проблема с поведением.

Отредактировано и подготовлено в экосистеме

ONEDOLLAR-STORIES. Цифровая архитектура: **NAPLES-POST · NOASPECTTIME · ONEDOLLAR-STORIES.**

Впервые опубликовано в 2026 году. Набрано в чистой современной типографской вёрстке, оптимизированной для чтения с экрана. Издано в Соединённых Штатах.

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ

© 2026 Ferdinando Frega. Все права защищены.

Никакая часть этого издания не может быть воспроизведена, распространена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, запись или иные электронные либо механические способы, без предварительного письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат в критических рецензиях и некоторых других некоммерческих случаев использования, допускаемых законом об авторском праве. Несанкционированное использование, воспроизведение или распространение этого произведения запрещено.

ОТ РЕДАКЦИИ

Это четвёртый и последний том тетралогии Gillette.

Автор: Ferdinando Frega — Nando the Scribe.

Весь цикл по порядку:

Том I — Три лезвия. Одна Gillette. (2026) naples-post.com

Том II — Brand Narrative Gillette. (2026) naples-post.com

Том III — Невозможная Gillette. (2026) naples-post.com

Том IV — По ту сторону Gillette. (2026) naples-post.com

Этот том не закрывает повествование. Он сносит последнюю стену.

ДО ПЕРВОГО ПОРЕЗА

Большинство людей всю жизнь пытаются добиться, чтобы их приняли системы, которых они не строили. Корпоративные

системы. Издательские системы. Социальные системы. Семейные системы.

Они приспособливаются. Они договариваются. Они ждут признания.

У меня такого терпения не было никогда.

Мою жизнь сформировали три лезвия.

Первое принадлежало человеку, который превратил отброшенную идею в одно из самых узнаваемых имён современной истории: **Кингу Кэмпу Gillette**.

Второе принадлежало моему отцу — сорок лет внутри The Gillette Company, — который научил меня, что дисциплина не кричит: она калибрует.

Третье невидимо. Оно принадлежит мне. Оно рассекает отрасли, идентичности, страны, неудачи, успех, писательство, тишину — и системы, которые до сих пор не знают, куда меня поместить.

Эта книга — не прославление успеха. Это не мемуары. Это не пособие по бизнесу. Это не литература, которая ищет одобрения.

Это хроника того, что происходит, когда человек перестаёт спрашивать, где его место, и начинает строить структуры, которые вынуждают реальность его признать.

Одни имена продают товары. Другие исчезают. Третьи оставляют следы ещё долго после того, как руки уже нет.

Это история трёх лезвий. И того, почему одного имени никогда не хватало.

РАБОТА

Работа никогда меня не пугала и никогда не делала несчастным. Я любил пошутить с теми, кто от неё страдал: «Если захочется поработать — прыгай на меня». Так я изгонял их тоску и показывал им, что для меня работа — всего лишь оплачиваемое развлечение.

Они смотрели на меня и не понимали. Я всегда улыбался, всегда был счастлив, даже когда на бумаге работал по двадцать часов в сутки. Усталость была роскошью, которая до меня ещё не добралась.

Со временем я понял почему: дед — шахтёр, отец, который продавал без остановки, и я — продукт их генов. Другим я получить просто не мог.

В своих повседневных высказываниях, открытых и громких, я заявлял, что работаю в лучшей компании мира. Люди не понимали, а я не мог объяснить. Деньги были всего лишь следствием ежедневного выступления между театром и проблемами — первый заставлял думать, вторые вынуждали решать.

Так я объехал весь мир — больше шестидесяти пяти стран. Моя жизнь консультанта и советника заполняла каждый час, кроме ночи. Пока однажды дочь не попросила меня вернуться домой, в Италию.

Как я мог отказать. Шёл 2020 год. Едва я переступил порог дома, зазвонил телефон — код Милана. Женский голос: «Я доктор Музолино из MERCURY URVAL. У нас есть ваше резюме. Один наш клиент ищет человека как раз с таким профилем, как у вас. Насколько вы сейчас свободны?»

«Простите, — сказал я, — я только что вернулся из Южной Америки и не уверен, что понял, в чём состоит ваша работа».

Она рассмеялась — яркая, острая — и перешла на испанский: «*Yo busco la cabeza por un trabajo. ¿Entiende?*» Я ответил: «*Claro que sí*». Мы оба засмеялись.

«Когда можно созвониться по видео?» «Назначьте встречу в Zoom и пришлите мне ссылку. Я пунктуален. Я человек серьёзный». «Мы знаем, что вы человек серьёзный. Вы — сын группы Gillette. Мы много лет с ними сотрудничали. Но через нас вы никогда не проходили». «Я не знал, что вы с ними работали. Хороший повод познакомиться сейчас. Что бы ни случилось, это будет успех».

Я повесил трубку. Дочь хмурилась. «Что случилось?» «Пап, ты женат. Только вошёл — и уже разговариваешь с другой женщиной?» «Джорджа, — сказал я, — грех случается не тогда, когда разговариваешь. Только когда ложишься».

Мы рассмеялись.

ВИДЕОЗВОНОК

Я вышел на связь хорошо одетым: выбритый, чистый, часы, голубая рубашка, синий галстук... а ниже — одни трусы-боксеры. Жена куда-то переложилла мои брюки, а открыть чемодан и достать другие я не мог.

Было жарко. Честно говоря, я не волновался. Я был уверен, что ниже пояса она меня ни за что не увидит. По крайней мере, так я думал.

Звонок начался. Она рассказала о компании: неаполитанская транснациональная корпорация, работающая по всей Европе,

три филиала, 176 машин, почти 120 сотрудников. Им нужен был менеджер, который возглавит канал мерчандайзеров и торговый персонал.

Это соответствовало моим навыкам. Но когда я спросил, в какой они отрасли, она рассмеялась.

«Можно на ты?» «Конечно». «Я Марта». «Я Нандо».

«Они лидеры рынка в похоронном бизнесе. Их слоган: *„Если вы умрёте, ваша потребительская ценность вырастет“*».

Я и бровью не повёл. Мне нужно было понять, какое отношение мерчандайзеры имеют к покойникам.

Настоящая работа описывалась так: **ответственный за визуальное оформление посмертной экспозиции.**

Я не понял. «Прости, а что мне нужно делать?» «Ты координируешь персонал, который кладёт покойников в гробы, одевает их, моет и следит, чтобы родные увидели их в приличном виде».

«А самое интересное — деньги, — добавила она. — Если согласишься, первый месяц — 12 500 евро плюс расходы. Без контракта. Только расписка».

«Почему без фактуры?» «Хороший вопрос. Они вычеркнули это слово из своего словаря. Большинство покойников, по словам их родных, стали жертвами *„fatture“* — порчи, а не налогов. Так что, пожалуйста, не говори о фактурах».

«Место работы?» «На твой выбор: Неаполь, Барселона, Лондон. Можешь начать через три дня».

Я подумал: всю жизнь я управлял живыми. Так ли уж трудно будет с мёртвыми?

Мы попрощались. Я сказал ей, что поеду в Неаполь. Подробности она пришлёт по электронной почте. Мне не нужно было ничего ей платить.

«Почему?» «Сегодня угощаю я. Когда в следующий раз будешь в Милане, пригласи меня на ужин. Хотя я и замужем, на одну ночь я стану для тебя совершенно свободной».

Я встал, думая, что звонок окончен. Она всё ещё была на связи. Она увидела меня в трусах.

Она расхохоталась. «Надеюсь, ты не собираешься так работать. Они не готовы платить тебе столько — и не готовы видеть менеджера в нижнем белье».

ДОСТАВКА

Я приехал на Центральный вокзал Неаполя. Мужчина в чёрном пиджаке и кепке держал табличку: **sg. FREGA MAN... AGER.**

Куда я попал?

Он поздоровался. «Сначала нужно сделать одну доставку, потом поедem в штаб-квартиру».

Мы сели в Mercedes 300 CDI — в похоронном исполнении. Мой чемодан на колёсиках остался впереди. Сзади места не было: там стоял гроб. Наша доставка на сегодня.

Мы остановились у дома покойного. Женщина сказала: «Нет, покойника в такой час здесь нет. Найдёте его в доме номер 38. А это двенадцатый».

Не Чинечитта. Испанские кварталы. Бедность, преступность, ирония, выживание.

Я рассмеялся. Я знал, что это будет уникальный опыт.
Рассказать о нём невозможно — мне никогда не поверят.

По нужному адресу, прежде чем выгружать гроб, водитель спросил: «Покойник здесь?» Женщина ответила: «Праздник здесь».

«Но прежде чем выгружать, мне нужно знать, заплатили ли за гроб», — добавила она.

Он позвонил в компанию. Подтвердили. Гроб *класса reverse*.

Я не понял. В машине я спросил Паоло, водителя: «Что значит reverse?»

Он посмотрел на меня. «Это как восстановленные ноутбуки. Восстановленный гроб. Гарантия один год. Мы забрали его с другого похоронного склада, почистили, заменили обивку, продезинфицировали и снова выпустили на рынок».

«А в чём выгода?» «Семья платит полцены. Экономят. В Неаполе такие вещи ценят».

ШТАБ-КВАРТИРА

Дом у дороги, вокруг огромное поле. Рядом два склада. Каждый вечер один и тот же грузовик, тот же водитель, в одно и то же время привозил пустые гробы. Это заставляло задуматься — но не беспокоиться.

Я проверил бирку: *Made in Austria*. Подделка. Настоящее происхождение — в двенадцати километрах отсюда,
СЕКОНДИЛЬЯНО.

Маурицио, владелец, отвёз меня в B&B. Маленькая функциональная студия. Молодая, добрая, тучная горничная-

полька, которая смотрела, но не говорила.

На следующее утро я поздоровался с ней по-польски. Она растаяла.

Позвонила жена. Про спектакль я ей не рассказал. Только то, что работа серьёзная. А я всегда отдаю всё. Работа — не игра.

Никогда не давай крестьянину узнать, как хорош сыр с грушами.

В 2 часа ночи Паоло постучал в мою дверь. «Надо ехать. Доставка. Вы должны дать указания по своей работе».

Никто так и не сказал мне, в чём моя работа.

Несколько километров. Мужчина семидесяти двух лет. Инфаркт. Его нужно было одеть, вымыть, подготовить к фотографиям.

«Как его брить?» — спросили они.

«Возьмите ОДНОРАЗОВЫЙ Gillette». Такого у них не было. Мне показали станок Gillette, который они называли *мотыгой*. Где я, чёрт возьми.

Они уже собирались взбивать пену куском мыла. «Почему вы не берёте пену для бритья?»

«Мы брали PRORASO. Эксклюзивное предложение: 600 мл по цене 200 мл. Сэкономили. Когда закончилась, вернулись к мылу».

«Сходите купите лосьон после бритья из СЕРИИ EMULSIONI. Без кровообращения спирт на коже не держится. А этот держится».

Из одежды семья приготовила свадебный костюм. Его надевают в два самых важных дня в жизни мужчины: в день свадьбы и в день смерти.

Народная философия на каждом шагу. Логика заменяет необходимость. Поэтому настоящие менеджеры не сидят в офисах — они живут на территории, там, где дышит реальность.

На обратном пути — ещё один звонок. Ещё один дом. Мужчина сорока лет, рак.

«Как его брить?» — спросила новая бригада.

«Сходите на рынок. Купите MACH3 или FUSION GILLETTE. Мужчина его возраста заслуживает комфорта без срока годности, куда бы он ни отправлялся. И возьмите гель для бритья Gillette. Я покажу — немного на кончики пальцев, и он поднимается, как взбитые сливки».

Они выполнили указания. Семьи остались довольны. И я понял: даже уйдя из Gillette, я всё ещё продавал её продукцию. Ничего не мог с собой поделаться. Мать всегда со мной.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Каждый день был похож на спектакль с новыми актёрами. Живым смерть кажется неподвижной — но это не так.

В офис пришла женщина. У неё только что умерла пожилая мать. Её просьба меня удивила, но не шокировала.

Покойной было восемьдесят три, и волосы на ногах у неё сильно отросли. Перед тем как закрыть гроб, она хотела, чтобы её мать побрили.

Я отправил женскую бригаду. Они уже готовы были взять мужские станки для женского ритуала — два мира, которые редко встречаются и часто сталкиваются.

До 90-х женщины пользовались лезвиями мужей. Потом рынок создал продукты для женщин. Почему бы не создать новые культурные привычки?

Я велел Ванессе сходить в ближайший магазин и купить ОДНОРАЗОВЫЕ AGILITÉ — те, что мы когда-то продавали, — или VENUS GILLETTE, плюс пену SATIN CARE.

Всё было сделано идеально. Через семь дней компания решила свою главную проблему: **информацию**.

В субботу вечером бригады выстроились в очередь за деньгами. Я тоже стоял в очереди. Потом вышел из неё, ушёл и вернулся домой, к семье.

Я отдал этим людям свои знания. И решил, что платить за это не нужно. Когда что-то делается ради добра, деньгам незачем существовать.

Потому что я такой.

Nando

МОИ СОБСТВЕННЫЕ ПОХОРОНЫ

Я всегда предпочитал пропускать похороны. Помнить людей такими, какими они были, а не такими, какими их упаковали и отправили, казалось мне достойнее. Но на этот раз избежать не получилось. Это были *мои* похороны.

Гроб несли шестеро бедолаг. Дочь отказалась от классического чёрного костюма и одела меня в спортивный.

«Куда бы ты ни отправлялся, тебе должно быть удобно», — сказала она. Кроссовки в комплекте. И мой телефон, ловко уложенный в маленький чехол. Набор для пикника в загробном мире.

Катафалк был вполне удобным, хотя заднему левому амортизатору явно требовалась серьёзная помощь. На каждой выбоине моё левое яичко выскальзывало из трусов. Света в гробу не было, так что поправить его я не мог. Дуновение свежего воздуха во тьме вечности.

У входа в церковь меня положили на четыре деревянных бруса. Беспокоило меня только одно: правильно ли меня положили — или я скачусь, как мешок картошки? Потом я вспомнил: я и так уже лежал на полу жизни, мёртвый.

Говорил священник. Немного правды, много выдумок. Потом вереница людей, читавших что-то обо мне. Пока не подошла старушка, не поцеловала гроб и не спросила: «Можно мне его поцеловать, прежде чем вы его туда вставите?»

Одна подруга встала и сказала: «Мой муж всегда просил меня о том же, прежде чем вставить. Последний поцелуй». Ахахахах.

Церемония окончена. На кладбище поехали только мы с водителем. Адрес был написан прямо на гробу: *кладбище Кондера, погребальное крыло, участок сорок пять, ярус 23, второй этаж, первая ниша*. Ошибиться невозможно.

Человечество эволюционировало: больше никаких мужских и женских секций. Только мёртвые. Эффективно.

Он доставил меня, помахал рукой и уехал. А я подумал: *И что мне теперь делать?*

Две дамы — уже несколько лет как покойные — проходили мимо и пригласили меня на кофе-брейк, пока Совет похоронного синдиката утверждал новые правила для новоприбывших.

Мне было любопытно, но я устал. Новая роль, новый актив, что-то, чему нужно научиться, чтобы мир мог сказать только одно:

Мне было любопытно, но я был вымотан. Я был мёртв меньше суток, а мне уже выдавали бумаги. Даже у вечности были процедуры онбординга.

Nando

ALDILA' STREET, НЬЮ-ЙОРК

Вечером накануне того, как всё случилось, я поужинал немного тяжеловато. Жареный перец с картошкой, свиная рулька на килограмм, два бокала красного вина и — просто чтобы закончить элегантно — миска салата из фасоли борлотти.

Было 7 мая 2058 года. Мне было всего девяносто три, но по мне этого видно не было — в смысле, я этого не афишировал. Настоящий калабриец: сдержанный, но не скрытный. Так уж я был устроен. Таким был я.

Ахахахах.

А потом это случилось: я увидел своё тело, всё ещё лежащее в кровати, а сам был снаружи и смотрел на него. Я пошёл к столу, чтобы включить компьютер и сочинить историю, — я делал это так долго, что это стало моим любимым занятием. Но мои руки больше не управляли видимыми предметами.

Я был мёртв. Я был на пути в загробный мир.

Первый вопрос, который я себе задал, был не о том, кого я встречу, и не о том, как туда доберусь. Нет. В голове засело только одно: **как люди, которые меня знали, отреагируют на мой уход?**

Я уже представлял их себе.

«Давно пора», — те, кто всегда меня терпел.

«Это один из его фокусов», — пессимисты.

«Ещё один способ рассказать о своей жизни», — тусовка WordPress.

ИИ не отреагировали бы никак.

Родные и друзья? Они пересекли эту границу раньше меня. Я просто их догонял.

Рука на моём плече дала понять, что за мной пришли. И мы полетели — по крайней мере, так мне казалось. Но не как птицы, не как самолёты, не как что-либо, что мы когда-нибудь себе представляли. Никаких ангельских крыльев, никакого киношного вознесения. Всё это был лишь формат, который нам продали.

Переход был совсем другим.

Я обернулся посмотреть на руку на своём плече — а мы уже были в новом доме.

Лучше, чем доставка посылок FedEx. Ахахахах.

У входа мужчина проводил регистрацию, и у меня был свой номер, чтобы войти.

Аппарат «возьмите талон» здесь отменили. Всё, что напоминало очередь, представляло дьявола, а представителями допускались только те, кто занимался этим делом при жизни. Больше ничего.

Настал мой черёд, и приветственная фраза была такой:

«О нет, наконец-то нам удалось вас сюда доставить.
Двенадцать раз, двенадцать попыток. Кто вы?»

Никто особенный. Просто тот, кого вы не ждёте.

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ I

Итак, я прибыл в это место, известное только сынам вдовы, — по крайней мере, пока я был жив. Но что теперь должно было произойти? Какие события? Я искал генерального директора, но не мог его найти.

Мимо прошла женщина, хорошо одетая, очень вежливая. Она не остановилась. Оставила сложенную записку на ближайшей поверхности и пошла дальше.

Я развернул её. Зал. Время. Зал первопроходцев, 11:00.

Никакой карты. Инструменты у меня уже были.

На рассмотрении был только последний период моей жизни — всего 35 лет. Мне повезло. По остальной херне, которую я натворил, срок давности истёк. Мне не придётся ничего оправдывать или объяснять.

Водить я не умею, машины нет, пешком тоже нет — но я оказался в зале. И кого же я вижу за столом совета директоров?

Спорю, вы ни за что не поверите, даже если попытаетесь.

Это я в 5 лет. И я заплакал — не от волнения, а потому что не мог понять, как я сюда попал и в каком возрасте.

Прозвучал знакомый вопрос:

«Помнишь, я спрашивал тебя, готов ли ты дожить до 93?»

«Да», — ответил я.

«А потом, когда я спросил, готов ли ты страдать, глядя, как твои близкие уходят раньше тебя?»

«Да», — ответил я.

«Ты по-прежнему исключительно последователен. Я говорил генеральному директору, но он мне не поверил. И теперь мы не знаем, куда тебя поселить».

Данте написал «Божественную комедию», но не предусмотрел твоей категории. Даже Безосу с Amazon это не удалось. А Google лёг почти на 30 лет.

«Мы всё прекрасно понимаем, но дай нам время. Просим тебя побыть в режиме ожидания».

Режим ожидания. Я думал, это маркетинговый термин. Потом задумался, не поза ли это заодно из Камасутры. Мы были в загробном мире, а я так и не изучил это выражение.

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ II

Время здесь идёт иначе. Я заметил это, когда попытался сосчитать, сколько уже жду, и обнаружил, что число всё время меняет направление.

Потом голос — на этот раз не её. Просто голос, ни из какой точки зала.

«Зал 2. 13:00».

Я не спрашивал, как туда добраться. Инструменты у меня уже были.

Комиссия собралась, чтобы решить, что со мной делать. После долгого заседания она огласила вердикт:

«Вам дан официальный мандат создать версию ВЕЧНОСТЬ для ONEDOLLAR.STORIE. ALDILA.' При одном условии».

«При каком условии?»

«Прежде чем вы опубликуете, мы должны прочитать истории».

Нечто подобное я уже переживал, но это было последнее место, где можно было остаться. И мне нужно было принять решение спокойно.

Поэтому я спросил: «Что я получу взамен?»

«Чего вы хотите?»

«Всего 1 USD».

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ III

В какой-то момент я задумался, почему я не голоден, почему не принимаю душ, не бреюсь, не делаю свои обычные утренние дела. Какой же я был дурак — всё сразу стало очевидно: у меня не было тела, так что же мне было поддерживать?

Больше никого не было видно. Но все просто были сдержанны, и за каждой душой стояла миссия, которую она не афишировала.

Потом заговорил потолок. Или пол. Направление здесь не имеет значения.

«Фрега».

И я ответил: «Простите, но если тела больше нет, как вам удалось сохранить фамилию?»

Голос раздражённо огрызнулся: «Мы и так не можем вас классифицировать, не можем никуда пристроить — а вы хотите, чтобы мы стёрли единственную зацепку, которая у нас есть? Как нам тогда вас опознать?»

«Ладно. Скажите, что я могу для вас сделать».

«Нам сообщили, что в ближайшие семь земных дней сюда прибудут некоторые из самых известных миллиардеров».

«С визитом?» — спросил я.

«Здесь мы не занимаемся ни Акционерным участием, ни Вечной Wall Street. Разве что изредка какая-нибудь ОРА, но вас это не касается. Они едут, потому что их время вышло. Но нам нужна ваша консультация в качестве похоронного супервайзера. Вы должны наблюдать и докладывать, что люди говорят и думают о них после смерти и как они себя ведут».

«Что вы мне предлагаете за эту операцию?»

«Как обычно: 1 USD».

«Не в этот раз».

«Чего же вы тогда хотите?»

«Родиться заново бедным, как прежде. Но на этот раз по-настоящему в Америке. Без ошибок».

«Почему?»

«Есть одна вещь на Земле, по которой я скучаю больше всего».

«По женщинам?»

«Нет».

«Тогда по чему же?»

«По запаху канализационных люков, когда из них поднимается пар. Вот это дом. Это моё место».

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ IV

Мне вручили список, и я, честно говоря, удивился, что все эти миллиардеры умерли разом. Как мне рассказывать о каждом по отдельности? Для этого пришлось бы засесть в Международном валютном фонде, поэтому я попросил исключения: по одному отчёту за раз.

И по личным причинам начать я решил с дяди Уоррена — ему принадлежала моя Gillette, и этой любезностью я был ему обязан.

Потом — к остальным. Но то, что вы сейчас услышите, необычно и учит только одному: мы всего лишь временное вместилище, а не время, которое что-то вмещает.

- **похороны Джеффа Безоса** → деньги, власть, наследие, медиа
- **похороны Билла Гейтса** → технологии, контроль, филантропия, интеллект
- **похороны Илона Маска** → культ личности, хаос, фанаты, Марс
- **похороны Уоррена Баффетта** → старый капитал, преемственность, тишина
- **похороны Дональда Трампа** → тотальный спектакль, фракции, медийный цирк

Приятного чтения.

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ V

Похороны Уоррена Баффетта → старый капитал, преемственность, тишина

Похороны прошли за закрытыми дверями. Ждали лишь горстку людей — в конце концов, с Berkshire он был не более чем вместилищем для нескольких человек, державших много денег, и никогда по-настоящему не управлял коммерческим предприятием, по крайней мере напрямую.

Зал неизбежно заполнили журналисты и пресса, пара коллег, двое настоящих друзей, родственники и неизбежная секретарша всей его жизни — та, с которой он так и не переспал. Все они были готовы ухватиться за запятую и превратить её в статью, в заметку, в событие внутри события. К счастью, никто из них не попытался написать книгу.

Дядя Уоррен, как всегда, всех опередил. И когда он заговорил, его слушали — так слушают дедушку, который собирает внуков и в мельчайших подробностях рассказывает им о животных саванны. Только его саванной был его кабинет в Небраске, и почти никто об этом не знал.

Кто-то шёпотом, не шевеля губами, спросил соседа, есть ли смысл держать ту акцию или лучше её продать, — инстинкт, от которого нет лекарства. А совет учителя был всегда один и тот же: если не готов смотреть, как твои деньги теряют в цене на рынке, сиди дома и положи их под кровать. Они всё равно потеряют в цене, но ты хотя бы всегда будешь знать, сколько осталось.

Во время проповеди священника появилось письмо — пришедшее всего несколькими часами раньше, — и он настоял на том, чтобы прочитать его сам:

Мы никогда тебя не забудем. Ты был и остаёшься индексом нашей жизни, и твои уроки уже переданы новым поколениям. Потому что ты есть и всегда будешь тем человеком, который сказал: если на улице идёт дождь и ты хочешь набрать воды, никогда не выходи с дуришлагом.

Прощай, дядя.

Nando

Создан Gillette. По-прежнему твой верный племянник, дядя Уоррен.

ПРОДОЛЖЕНИЕ VI

Похороны Илона Маска — культ личности, хаос, фанаты, Марс

Я ожидал толпы побольше. Вместо этого я увидел менеджеров, у которых был почти облегчённый вид, — будто Илон был трудноперевариваемой едой, жирным блюдом, которое всё время просилось обратно. Бедный человек со слишком большими деньгами. Таким был безмолвный заголовок.

В разговорах шёпотом звучал один и тот же припев: его мать — модель, уборщица — и то, как судьба короновала Мальчика титулом самого богатого человека на Земле, а у него так и не было постоянной женщины, которой можно было бы всё оставить. Гибрид, как его компания. Наполовину гений, наполовину глюк.

Журналисты, разумеется, были на месте. Медийный цирк никогда не пропускает похорон, способных поднять рейтинги. Ритуал был обычный — камеры, перешёптывания, запах мокрых цветов.

Но священник... священник оказался настоящим сюжетным поворотом.

Говоря об Илоне, он сказал: «Он был верным другом. Однажды он помог мне заменить аккумулятор в моей Tesla и дал мне скидку 2%. Благодаря тому мгновению я стал священником. И поэтому я сегодня здесь, с ним».

Мы не знали, смеяться, плакать или вызывать психиатра. Потому что именно в этот момент ворвался **Сэм Альтман** —

глаза красные, голос сорванный, — бросился на гроб и закричал:

«Сукин ты сын. Ты подал на меня в суд на 130 миллиардов долларов. Ты проиграл. И даже не доставил мне удовольствия зачитать тебе приговор».

Среди венков выделялось одно: одна-единственная гвоздика, присланная из Белого дома. Никто так и не узнал, кто её прислал. Или все знали и делали вид, что не знают.

Его Twitter — ставший X, ставший загадкой, — был его подписью. Отметил его в день, когда он родился, и в день, когда он ушёл.

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ VII

Похороны Джеффа Безоса → деньги, власть, наследие, медиа

Заявляю с абсолютным спокойствием: именно эти похороны заинтриговали меня больше всего — не из-за **денег**, не из-за **власти**, не из-за **наследия**, не из-за **медиа**, — а потому, что централизованное управление никогда не допускало даже намёка на номер два империи — человека, у которого по всему миру были разбросаны финансовые и налоговые баги, за которым следили правительства и которого терпели лишь из-за огромного числа людей, занятых в его инфраструктурах.

Но эта неясность отражалась и в самой отчётности — никогда не точной, никогда не подтверждённой документами: там давали ссылки и цифры, но никогда — доказательных документов.

И вот на издательском фронте начался небольшой литературный исход к независимости под девизом *лучше мало, да надёжно, чем много, да сомнительно*.

Но люди в церкви отвлекались, говорили о других похоронах других людей, и мой слух уловил, как группа женщин переговаривалась: *«Слышали? Итальянский писец тоже умер — тот, который написал AMERICA и говорил на языках мира, на тех самых знаменитых 225 наречиях. Тот, кого мы все любили, потому что он отдавал, не прося денег взамен»*.

Что ж, это меня поразило. Это был один из тех **посмертных успехов**, которые люди обычно не признают сразу и с немедленным эффектом. Достаточно одной женщины, которая тебя не забудет, — и вирус запускается.

О Джеффе священник сказал: *«Мы оба лысели. Он — по собственному выбору, я тоже»*.

Счастливого пути.

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ VIII

Похороны Дональда Трампа → тотальный спектакль, фракции, медийный цирк

Американский гризли — так я его называл — даже после смерти умудрился остаться в центре. Существо, рождённое для софитов, неспособное отойти в сторону, даже когда занавес уже опустился.

Мы прожили необычные годы. Он растянул Америку за её собственные границы, превратил пятьдесят штатов в пятьдесят штатов плюс двести семь амбиций, а потом отступил. Редкий акт сдержанности — или просто судьба остановилась перевести дух.

Была венесуэльская глава, когда Мадуро пал в сцене, больше похожей на кино, чем на историю. Потом недолгое увлечение Гренландией. Потом Индийский океан — словно он следовал личному компасу, который мог прочесть только он.

Он всегда отодвигал горизонт чуть дальше, даже когда никто не просил.

Среди венков выделялось одно — одна-единственная гвоздика. Без имени отправителя. То ли никто не знал, то ли знали все и предпочли молчать.

Его Twitter, ставший X, ставший загадкой, был его настоящей подписью. Он отметил его в тот день, когда тот вошёл в зал, и ещё раз — в день, когда ушёл.

Прощайте, господин президент.

Nando

ПРОДОЛЖЕНИЕ IX

Похороны Билла Гейтса → технологии, контроль, филантропия, интеллект

Удачу в жизни не строят — её **принимают**, а потом **управляют** ею с правильной хваткой. Билл был именно таким: хорошо использованной возможностью, манерой быть,

которая становится стилем, классом, чем-то, что просто невозможно забыть.

Никогда не забуду, как впервые встретил его возле кампуса. Я не знал, кто он такой, он случайно толкнул меня, а поскольку я был молод и глуп, я чуть было его не ударил. Но он — дальновидный, внимательный, человек добродетели и острого ума — посмотрел на меня и сказал: *«Парень, заплати за два пива, у меня нет денег»*. Тогда я вытащил двадцать долларов, а девушка сделала снимок.

Вот **сукин сын** — а кто он такой, я узнал лишь годы спустя.

Войти на его похороны было для меня всё равно что войти на семейное собрание, только я не был частью его наследства и никогда на него не претендовал. Люди всё шептались о том, кем он был, каким он был, а за его спокойным, сдержанным видом скрывался человек, чья щедрость простиралась далеко за пределы видимого.

Во время проповеди священник сказал: *«Благодаря ему мы оцифровали церковь, и теперь исповеди тайно записываются и отправляются прямо Папе»*. Среди присутствующих пробежал робкий ропот — пока он не добавил, что шутит: *«Они идут не в Рим. Они идут напрямиком в ЦРУ»*.

Журналисты были необычно вежливы. Многие из них когда-то работали на него, и все без конца просили тишины, потому что внутри этого застывшего времени **гроб Билла говорил**.

Прощай, друг мой.

Nando

НЬЮ-ЙОРК — ЭПИЛОГ

В конце концов всё закрывается вот так: без фанфар, без аплодисментов, никто не провожает тебя до двери. Только ты, твоё имя, где-то записанное, и коридор, который отказывается заканчиваться.

Знать, что говорят люди, когда ты умираешь, — привилегия, которой не должно быть ни у кого. Она разрушает романтическое представление о конце. Она показывает тебе, что правда всегда приходит поздно, когда она уже бесполезна.

Я ходил между гробами как служащий загробного мира, с задачей написать отчёт, который никто никогда не прочтёт. И когда решение обо мне наконец пришло, я не колебался: **я решил вернуться женщиной**. Самые сильные, самые пронизательные, самые стратегичные. Они позволяют миру называть их слабыми — просто чтобы посмотреть, кто на это купится.

Потом меня спросили, где я хочу родиться снова. Я не дал им договорить: **Америка**. Любой штат, любой город. Я хотел лишь одной гарантии: чтобы на этот раз отправкой занимались профессионалы и чтобы при доставке у меня попросили подпись.

Так я буду знать, что действительно прибыл. Туда, где буду жить и где снова умру. С тем же спокойствием, той же иронией, тем же коротким шагом, что и всегда.

Конец.

Nando

ПРИМЕЧАНИЕ

«У нас было одно общее — и не думайте по глупости, что это были деньги. Мы все были мертвы, но никогда не забудут только тех, кто рассказал историю».

Ferdinando Frega